Белый Андрей

19.06.93

Андрей Белый (1880 — 1934). Виднейший теоретик и практик символизма. Автор знаменитого романа «Петербург», многих прозаических книг, сборников стихов и воспоминаний.

Веч. клуб - 1993. — 19 июня - с. 4

Любовные страсти Андрея Белого

Не знаю, как вы, уважаемые читатели, но когда я вижу отдельных представителей нашей высшей парламентской власти, то впадаю в горькое отчаяние. И это элита? Наша голубая кровь?.. Боже мой! «Ведь были люди, и какие!..»

Да, были. И было их немало — талантливых, просвещенных, эрудированных. Один из них — писатель и поэт Андрей Белый. Расскажем сегодня о нем. Но не как о творческой личности, а как о частном человеке. И даже сузим рамки: вспомним о том, как Белый относился к женщинам, которых встречал на своем пути, и, естественно, о том, как они относились к нему.

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ ПОЭТОВ

НАЧНЕМ от печки. Борис Бугаев (Андрей Белый — это псевдоним) родился 14/28 октября 1880 года в Москве, на углу Арбата и Денежного переулка (ныне ул. Веснина). Отец Белого — Николай Бугаев, известный ученый-математик, мыслитель-позитивист. Мать — урожденная Александра Егорова. Просто красивая женщина.

Профессор Бугаев говорил: «Я надеюсь, что Боря выйдет лицом в мать, а умом в меня». За этими шутливыми словами скрывалась нешуточная семейная драма. Профессор был сущий урод лицом. Однажды сестра Брюсова спросила на концерте Белого: «Смотрите, какой человек! Вы не знаете, кто эта обезьяна?». — «Это мой папа»,—отвечал Андрей Белый с той любезнейшей. широчайшей улыбкой совершенного удовольствия, чуть ли не счастья, с которой он любил отвечать на неприятные вопросы.

«В семейных бурях, — как отмечает Ходасевич, — Белый очутился листиком иль песчинкою: меж папой, уродом и громовержцем, окутанным облаком... — и мамочкой, легкомысленной и прелестной... Первичное чувство в нем было таково: папу он боялся и втайне ненавидел до очень сильных степеней ненависти: недаром потенциальные и действительные преступления против отца (вплоть до покушения на отцеубийство) составляют фабульную основу всех его романов. Мамочку он жалел и ею восторгался почти до чувственного восторга. Но чувства эти, сохраняя всю остроту, с годами осложнялись чувствами вовсе противоположными. Ненависть к отцу, смешиваясь с почтением к его уму, с благоговейным изумлением перед космическими пространствами и математическими абстракциями, которые вдруг раскрывались через отца, оборачивались любовью. Влюбленность в мамочку уживалась с нелестными представлениями об ее уме и с интенсивным отвращением к ее отчетливой, пряной плоткости...».

Это длинное цитирование необходимо, чтобы понять дальнейшее поведение Андрея Белого в отношении женщин. Все его пароксизмы чувств и эскапады поступков были заложены в детстве. Увы, это фрейдистское учение, и от него никуда не уйдешь. А в судьбе Белого проявилась чисто фрейдистская ситуация: Белый был сыном своей матери, но не был сыном своего отца, что пагубно сказалось на развитии его психологии как мужчины. Он так и не стал им — мужчиной, хозяином и господином, диктующим свою волю женщине — служанке и рабыне (Ницше говорил, что к женщине надо подходить с плеткой). Белый не только не хотел иметь плетку, но избегал зачастую момента борьбы и всю жизнь искал «мамочку», чтобы укрыться за ее спиной от невзгод. Или еще лучше: уткнуться в ее теплые колени и пожаловаться на жизнь, на литературные, материальные и иные неприятности.

246

Подобных мужчин мы встречаем на каждом шагу. Как правило, они и работники не ахти какие. Но тут Белый — исключение. Он искупал все погрешности своего ломкого, неустойчивого характера адским трудолюбием и все накопленное и познанное выплескивал в творчестве. И поэтому нам, потомкам Белого, важны не столь зигзаги его психики, как то, что им создано. Его феерическая по разбросу проза. Пленительного звучания стихи.

Мои слова — жемчужный водомет,
средь лунных слов, бесцельный,
но вспененный, —
капризной птицы лет,
туманом занесенный...
Моя любовь — призывно-грустный звон,
что зазвучит и улетит куда-то,—
неясно милый сон,
уж виденный когда-то.

Многие не понимали не только творчества Белого, но и его самого. Характерное признание сделал сам поэт: «Я остался один — в 4 года. И с тех пор уже не переставал ломаться даже наедине с собой. Строю себе и теперь гримасы в зеркале, когда бреюсь. Ведь гримаса та же маска. Я всегда в маске! Всегда!».

МАСКА. Карнавал. Начало XX века вообще носит какую-то карнавальную сумятицу в среде российской интеллигенции. Духовная жизнь пульсирует. Идет напряженный поиск новых исторических путей. Новых идеалов. Религий, Верований. Рационализм уступает место мистицизму. И вот в этом вихре упоенно кружится Андрей Белый. Он тоже хочет найти свою «мистическую любовь».

Она явилась Белому в образе Маргариты Морозовой (1873 — 1958), жены известного фабриканта и коллекционера М. Морозова. Увлечение Морозовой относится к 1901 году, когда Белый видел ее на московских улицах и затем «встречался с ней глазами» на симфонических концертах. Белому 21 год, ей 28. С этого времени она становится адресатом лирико-романтических писем Белого, и под именем «Надежда Львовна Зарина» она фигурирует в поэме «Первое свидание» (1921). Белый постоянно бывал у Морозовой в гостях. Они много говорили об оккультизме, о тайных знаках жизни, об астральном, эфирном и физическом человеке. В трудные минуты Морозова оказывает Белому материальную поддержку. Астральное — астральное, а денежное — денежное.

Но ничего успокоительного ни душе, ни телу Белого эта «мистерианская» любовь не принесла. А ему так хотелось... В 1904 году на его горизонте появилась Нина Петровская. Белый был еще молод, златокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Она — щупленькая брюнетка с коротким носиком. Не столь хороша собой, сколь пикантна, чувственна. Как вспоминает Ходасевич, она «говорила, что ужас как любит мужчин». Поэтесса без любви — конечно, не поэтесса, и Нина Петровская вся пылала. Белый ее привлек своим «вдохновенно-безумным лицом пророка». Петровская в своих воспоминаниях писала о Белом: «Он пил из крохотной рюмочки шартрез с таким удивлением в синих (лучисто-огневых) глазах, точно хозяин предложил ему не простой ликер, а расплавленный закат...».

Столкнулись два огненных шара, и Белый дрогнул: он «бежал от соблазна», бежал от Нины, как заметил Ходасевич, чтобы ее слишком земная любовь не запятнала его чистых риз.

Отвергнутая женщина! Что может быть опаснее? Чтобы отомстить Белому, Нина Петровская сближается с Валерием Брюсовым. Это не только месть, но и попытка через магические опыты вернуть потерянную любовь. Но все напрасно. И тогда Нина весной 1905 года в Политехническом музее, где Белый читал лекцию, в антракте подошла и направила браунинг на своего возлюбленного. Она стреляла в упор, но, к счастью, револьвер дал осечку. (В дальнейшем судьба Нины Петровской была драматической: эмиграция, парижская нищета, попытка самоубийства и, наконец, трагическая смерть).

Ну, а Андрей Белый? Он весь растворился в новом любовном романе. Отсчет можно вести от 10 января 1904 года, от дня знакомства Белого с Александром Блоком и его молодой женой Любовью Менделеевой. Быстро наладилась дружба двух поэтов: оба занимались поисками образов России, Души Мира, поклонялись идеалам Вечной женственности и т. д. Параллельно развивались отношения между Белым и Любой. Сначала это были братско-сестринские чувства, затем они перешли в сферу любовных домоганий.

Это была взаимная опасная игра. И против кого? Мужа и друга. Против Александра Блока.

15 июня 1905 года Любовь Дмитриевна Блок пишет из Шахматова Андрею Белому ответ на его признание в любви: «Милый Борис Николаевич. Я рада, что вы меня любите; когда читала ваше письмо, было так тепло и серьезно. Любите меня — это хорошо... А помочь вам жить, помочь уйти от мучения — я не могу... Когда захотите меня видеть — приезжайте, нам видеться можно и нужно... Любящая вас Л. Блок».

11 марта 1906 года из Петербурга: «Милый Боря, со мной странное: я совершенно спокойна. Люблю Сашу. Знаю, что то, что было у нас с тобой, — не даром. Но не знаю, люблю ли тебя; не мучаюсь этим. Ничем не пугаюсь; спокойно люблю Сашу, спокойно живу. Милый, что это? Знаешь ли ты, что я тебя люблю и буду любить?.. Люби, верь и зови...».

Дорогой читатель, вы что-нибудь поняли в этом запутанном клубке чувств?.. Читаем письма дальше.

19 марта, через 8 дней: «...с вами я не порвала... Вы ведь знаете весь мой демонизм и все мои соблазны. Увижу вас, и опять потянет к вам ближе, ближе, ближе... А я не хочу, не надо, не надо! Если знаете, как мне не изменить Саше, как быть с вами — скажите!..».

20 марта: «...Не могу писать о моей любви к тебе, как хочу. Мне надо тебя видеть! Приезжай! Целую тебя долго, долго...».

Отношения в блоковско-белом треугольнике раскаляются донельзя, и в августе 1906 года Андрей Белый вызывает Блока на дуэль. К счастью, поединок не состоялся.

Однако продолжение следует, и **16 октября 1906 года** Люба Менделеева пишет Белому: «...Я всегда знала, что любовь одна, и если для выяснения отношений с вами дала волю влюбленности, это был разврат... Этим я загубила, может быть, даже навек, Вас и то настоящее, что было у нас родственного...».

Кто кого загубил — это тоже вопрос. Как отмечает в «Некрополе» Владислав Ходасевич: «...Женщины волновали Андрея Белого гораздо сильнее, чем принято о нем думать. Однако в этой области с особенною наглядностью проявлялась его двойственность. Тактика у него всегда была одна и та же: он чаровал женщин своим обаянием, почти волшебным, являясь им в мистическом ореоле, заранее как бы исключающем всякую мысль о каких-либо чувственных домогательствах, и, если женщина, пораженная неожиданностью, а иногда и оскорбленная, не отвечала ему взаимностью, он приходил в бешенство. Обратно: всякий раз, как ему удавалось добиться желаемого результата, он чувствовал себя оскверненным и запятнанным и тоже приходил в бешенство. Случалось и так, что в последнюю минуту перед «падением» ему удавалось бежать, как прекрасному Иосифу, — но тут он негодовал уже вдвойне: и за то, что его соблазнили, и за то, что все-таки недособлазнили...».

Именно в такой унизительной форме он порвал с Ниной Петровской. Нечто подобное произошло и с Любой Менделеевой, но тут примешалась истинная любовь, которая разгорелась в душе Белого. В какой-то момент от безнадежности своего положения он даже пытался броситься в Неву, но помешал туман. Окончательный разрыв поставил Белого на грань нервного заболевания. В тяжелом состоянии он уезжает за границу. «Вынута из меня душа: каждый мизинец кричит надрывом...», — писал он из Парижа.

ДЕСЯТЫЕ годы начала века. Вновь цитируем Ходасевича: «Белый в ту пору был в большой моде. Дамы и барышни его осаждали. Он с удовольствием кружил головы, но заставлял штудировать Канта особ, которым совсем не того хотелось.

— Она мне цветочек, а я ей: сударыня, если вы так интересуетесь символизмом, то посидите-ка сперва над «Критикой чистого разума»!

Иногда у него на двери появлялась записка: «Б. Н. Бугаев занят и просит не беспокоить».

— Это я от девиц, — объяснял он.

Однажды — чуть ли не в ярости: — Нет, вы подумайте, вчера ночью, в метель, возвращаюсь домой, а Мариэтта Шагинян сидит у подъезда на тумбе как дворник. Надоело мне это! — А сам в то же время писал ей длиннейшие философические письма, из благодарности за которые бедная Мариэтта, конечно, готова была хоть замерзнуть.

Роман Белого с Шагинян в письмах падает на 1908 — 1909 годы. Мариэтта в ту пору была начинающей журналисткой и готовила к печати свой первый сборник стихов. Она весьма тянулась к творческим людям (ее длительное общение с Рахманиновым, к примеру). И вот — Андрей Белый. Ему 28 лет, ей — 20. Она начинающая. Он — мэтр.

«Ну, а если я сообщу вам свое имя и адрес — правда, Вы мне напишите интересное длинное письмо?» — спрашивала (просила, умоляла) Мариэтта в своем первом послании от 17 декабря 1908 года.

9 января 1909 года: «...Вот читаю письмо А. Белого — а там внутри — утаенная улыбка: нет не так, это искус — утаенная улыбка в минуту последней покинутости... Люблю Вас за нее и знаю, знаю Вас, милый... Люблю Вас. Пишите, отвечайте».

Увы. Теперь так не пишут: пространно, туманно и очаровательно. Время эпистолярного жанра кануло в Лету. А тогда, в Серебряном веке, все было иначе: письма, открытки, записочки. Написанные затейливым красивым почерком. Пахнущие духами. Игра в любовь, в неразгаданность тайны сердец. Галантные словесные кружева в канун революционных стонов и судорог!..

Бурно пережив роман с Менделеевой и кризис в отношениях с Александром Блоком, Андрей Белый в своем мироощущении переходит от пессимизма и «самосожжения» к исканию «пути жизни», «второй заре». Этому способствовало его сближение с начинающей художницей Анной Тургеневой (1890 — 1966). Ася, так ее звали в честь тургеневской героини, стала его фактической женой. Гражданский брак был оформлен в Берне (Швейцария) 23 марта 1914 года.

С декабря 1910 по апрель 1911 года Белый и Ася совершают заграничное путешествие (Сицилия — Тунис — Египет — Палестина). Белый открывает новый для себя культурный мир. Они подолгу живут в Европе. Как протекала совместная жизнь поэта и художницы?

Запись Белого. **Июнь 1911 года:** «...Обнаруживается переутомление нервное у Аси, ряд медиумических явлений по ночам. В Асе развивается мистицизм и тяга к проблеме духовной культуры...».

Март 1913 года: «Ася объявила мне, что в антропософии она окончательно осознала свой путь, как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем лишь братом и сестрой. С грустью я подчиняюсь решению Аси...».

Апрель 1913 года: «...нервы мои — в убийственном состоянии...».

А. Блок и Л. Д. Менделеева.

Андрей Белый с Асей Тургеневой.

Вот так живет Андрей Белый со своей женой: напряженная литературная работа (в ноябре 1913-го закончен «Петербург») на фоне денежных затруднений, телесных томлений и внутренних духовных переживаний. К тому же по совету Штейнера с начала 1913 года Белый и Ася переходят на вегетарианство. И постоянные медитации, медитации. В декабре 1912 года, как свидетельствует Белый, «были два случая со мной выхождения из себя, когда я, не засыпая, чувствовал, как выхожу из тела и нахожусь в астральном пространстве...».

В мае 1912 года в Кельне Андрей Белый встречается с Рудольфом Штейнером, создателем антропософического религиозно - мистического учения и становится его горячим приверженцем. Белый всю жизнь искал отца и нашел его в Штейнере. И, как обычно, увлечение Белого было бурным.

Из письма Белого Маргарите Морозовой о Штейнере: «Он так говорил о любви, что нам с Асей хотелось реветь от хорошего, хорошего чувства... Ничего прекраснее, солнечнее, горячее, энергичнее, радостнее Доктора Штейнера я не знаю...» (январь 1913).

Постигая учение Штейнера, Белый параллельно метался между Асей и Наташей, между двумя сестрами Тургеневыми. Ася — жена, Наташа Поццо (1886 — 1942) — близкий друг. Она художница, замужем за юристом, редактором журнала Александром Поццо. Женщина не простая, штучка, эдакая модернистская дамочка. Белый в вихре противоречивых чувств. Все близко принимает к сердцу, отсюда нервные припадки следуют один за другим. Ко всему прочему Наташа любит Эмилия Метнера (музыковеда, давнего друга Белого). Образуется уже не треугольник, а четырехугольник (а если принять во внимание и мужа Наташи, то уже пятиугольник), словом, сложная геометрическая конструкция, в которой неуютнее всех именно Белому.

Но что поделаешь, Белый просит не покоя, а жаждет бури. Признается: «Отчуждение от меня Аси и моя влюбленность в Наташу». И далее предельно откровенно, самообнаженно: «...под влиянием работы у доктора Ася перестала быть моей женой, что при моей исключительно жизненности и потребности иметь физические отношения с женщиной — означало: или иметь «роман» с другой (это при моей любви к Асе было для меня невозможно), или — прибегать к проституткам, что при моих антропософских воззрениях и при интенсивной духовной работе было тоже невозможно; итак: кроме потери родины, родной среды, литературной деятельности, друзей я должен был лишиться и жизни, т. е. должен был вопреки моему убеждению стать на путь аскетизма; я и стал на этот путь; но этот путь стал мне «терновым»; я не ощущал чувственности, пока я был мужем Аси; но когда я стал «аскетом» вопреки убеждению, то со всех сторон стали вставать «искушения Св. Антония»; образ женщины, как таковой, стал преследовать мое воображение (так: прислуга Наташи, Катя, стала мне внушать нечистые помыслы летом 1913 года; в Мюнхене те же помыслы мне внушала горничная; теперь же — Наташа стала меня преследовать в снах); чтобы не «пасть» и победить чувственность, я должен был ее убивать усиленными упражнениями; но они производили лишь временную анестезию чувственности; плоть я бичевал: она — корчилась под бичом, но не смирялась; я усиливал дозы медитаций; я медитировал ежедневно часами в ряде месяцев; и эти медитации меня довели до экстазов, восторгов и таких странных состояний сознания, что внутри их мне открывались пути посвящения, а когда я выходил из них, то эти состояния стояли передо мною, как состояния болезненные; и я был обречен на все ту же чувственность...».

Все это длилось более двух лет. Его мучает бессонница, его преследуют эротические кошмары: «...появляется Наташа и зовет меня за собой на какие-то страшные шабаши; сладострастие во мне разыгралось до крайности; совершенно обезумев, я стал серьезно мечтать об обладании Наташей и стремился в моем грешном чувстве признаться Асе...».

И дело тут не только в снах Белого, но и в яви, в которой Наташа, как пишет Белый, «подстрекает меня к тому, чтобы я ее... взял, как мужчина, взял насильно! и даже подтрунивала над моей трусостью... ее взять!».

Отчаявшись и запутавшись в искушениях, Белый как-то усадил Асю на диван, стал перед ней на колени и, запрятав голову в ее коленях, несвязными, прерывающимися фразами рассказал ей о своих видениях и страхах, о «плюциферических и ариманических искусах». Ася выслушала все и спокойно ответила Белому: «Все это твои имагинации». Не найдя защиты у нее, Белый вешает образ святого Серафима над своей постелью. «И жарко помолился святому. Стало легче».

Но чем все это кончилось? В конечном счете Белый восстал и навсегда сверг, как он выразился, «татарское иго» в своей душе, намекая на татарское происхождение рода Тургеневых. Исчезла с горизонта Наташа. С Асей Белый расстался в 1917 году. Окончательный разрыв произошел в Берлине в 1922 году. «...Мы, оставаясь в духовной близости, на путях жизни разведены не только как муж и жена, но и как пара, проходящая по жизни...». И подводя итог своих отношений с Асей, Белый напишет, что она «человек странный» и роковым образом повлияла на его судьбу. Но это, очевидно, и закономерно, что Белый «вышел» на «странную» женщину Асю, а потом и на не менее «странную» Наташу. А еще была в его жизни «странная» Мария Сиверс (которая затем стала женой Штейнера); Анна Минцлова, заразившая Белого «своими розенкрейцерскими мечтаниями» и погрузившая его в глубины оккультизма. Отгадка проста: мы всегда находим то, что ищем.

ИТАК, в Германии Белого преследуют мотивы «брошенности», «смерти», «ужаса», какая-то злодейская карма. Он возвращается в Россию и попадает под еще один пресс—революцию. До того как она грянула, Белый считал, что революция — это благо, путь к обретению чистой духовности. Очередное заблуждение российских интеллектуалов!

Но когда в Россию пришла революция, то вместо свободы народ получил гражданскую войну, голод и холод, террор и хозяйственную разруху, словом, «монгольское дело», как провидчески обронил Белый все в романе «Петербург».

Но на первых порах сохранились еще иллюзии, и Белый с головой уходит в работу. Участвует в антропософских кружках (один из них назывался так: «Кружок по изучению мистерий»), короткое время служит в русском архиве, читает лекции (и какие! «О живоносном импульсе европейской культуры», «Венец Любви» и т. д.), работает с начинающими авторами, участвует в организации литературного отдела при Наркомпросе, Академии Духовной культуры и т. д.

Ходасевич вспоминает о послереволюционных годах Андрея Белого: «Военный коммунизм пережил он, как и все мы, в лишениях и болезнях. Ютился в квартире знакомых, топя печурку своими рукописями, голодая и стоя в очередях. Чтобы прокормить себя с матерью, уже больною и старою, мерил Москву из конца в конец, читал лекции в Пролеткульте и разных еще местах...».

Конечно, Белый переутомлялся и часто впадал в нервные срывы. Об одном таком срыве, происшедшем зимою 1921 года, вспоминает Павел Коган, цитируя гневный монолог Белого: «У меня нет комнаты! Я — писатель русской земли (так и сказал), а у меня нет камня, где бы я мог преклонить голову... Я написал «Петербург»! Я провидел крушение царской России, я видел во сне царя, в 1905 еще году видел, — слева пила, справа топор... Это позор! Я должен стоять в очереди за воблой! Я писать хочу! Но я и есть хочу! Я — не дух! Я хочу есть на чистой тарелке, селедку на мелкой тарелке, и чтобы не я ее мыл. Я заслужил! Я с детства работал! Я вижу здесь же в зале лентяев, дармоедов, у которых по две, три комнаты — под различными предлогами... Я буду кричать, пока меня не услышат...».

«Бледный, красный, пот градом, и такие страшные глаза...» — вспоминает Коган.

Изведав все прелести коммунистического рая, Белый загорелся идеей, как можно быстрее из него выбраться. Однако большевики не хотели его выпускать из страны. Ходасевич пишет, что Белый «нервничал до того, что пришлось обратиться к врачу. Он подумывал о побеге — из этого тоже ничего не вышло да и не могло выйти: он сам всему Петербургу разболтал «по секрету», что собирается бежать. Его стали спрашивать: скоро ли вы бежите? Из этого он, разумеется, заключил, что чрезвычайка за ним следит, и, разумеется, доходил до приступов дикого страха. Наконец, после смерти Блока и расстрела Гумилева, большевики смутились и дали ему заграничный паспорт».

20 октября 1921 года Андрей Белый уехал в Германию. К тому времени Белый стал во многом другим. Изменился и внутренне, и внешне. Куда-то делись кудри. Он был сед. Некогда синие глаза выцвели и стали почти белыми. А главное, он окончательно потерял стержень в душе и не знал, во что теперь верить. Какому богу молиться? Куда прислониться? Где найти покой?..

С осени 1922 года весь русский Берлин стал свидетелем злых истерик Белого и его пьяных танцев в пивных.

«Танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже непристойную. Он приглашал незнакомых дам. Тех, которые были посмелее, или, чтобы позабавиться и позабавить своих спутников. То был не просто танец пьяного человека: то было, конечно, символическое попрание лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому — чтобы через себя показать ее Дорнаху... Он исповедовался, выворачивая душу кому попало... соседям по табльдоту, ночным гулякам, смазливым пансионским горничным, иностранным журналистам. Полувлюбился в некую болезненную, запуганную девушку, дочь содержателя маленькой пивной; она смущалась чуть ли не до слез, когда, ломая ей пальцы своими лапищами, он отплясывал с нею неистовые танцы, осушая кружку за кружкой, рассказывал ей, то рыча, то шипя, то визжа, все одну и ту же запутанную историю, в которой она ничего не понимала...». (В. Ходасевич. «Некрополь»).

Истинно русский человек. Залить горе вином и закатить бурный монолог-исповедь.

К весне 1923 года, по свидетельству Ходасевича, Белый понял, что оказался в тупике и с горькой улыбкой заявил: «Надо жениться, а то кто меня пьяного в постель уложит?». Из Москвы приезжала антропософка Ксерия Васильева, звала с собой в Россию. Белый, прикрыв дверь от нее, шипел: «Хочет меня на себе женить».— «Да ведь вы сами хотите жениться!». — «Не на ней! — яростно хрипел он. — К черту! Тетка антропософская!».

Но верно говорят: не зарекайся! Белый все-таки женился на Васильевой (урожденная Алексеева, 1886 — 1970). Нина Берберова отмечает, что Васильева «была похожа на монашку» («антропософская богородица», иногда в сердцах называл ее Борис Николаевич). Она носила черное длинное платье, черный шерстяной платок на узких плечах... она казалась без возраста, никогда не улыбалась, с тонкими, поджатыми губами, красным носиком, гладкой прической... Она держалась в стороне от всех его надрывов и, конечно, не могла найти себе место среди тех женщин, которых он тогда ставил в один ряд, — от Сикстинской мадонны до уличной проститутки (причем иногда одна и та же женщина была и тем и другим почти одновременно). Впрочем, у Васильевой тоже был целый ряд различных воплощений: иногда в его диком воображении она была защитой и убежищем, «почти что мамочкой», а иногда он готов был приписать ей коварную роль: она подослана «доктором» (т. е. Штейнером) следить за ним и спасти его!». (Н. Берберова. «Курсив мой»).

Любопытно, что М. Жемчужникова, член московского антропософского общества, рисует совершенно иной портрет Васильевой, нежели Берберова: «...небольшая легкая фигурка, спокойные, какие-то музыкально ритмические движения... Любовь к шутке, юмор тоже всегда как бы играл вокруг ее лица... Удивительные глаза. Описать их можно только одним словом — «лучистые»... Она была очень умна...». Белый и Васильева официально зарегистрировали свой брак 18 июля 1931 года.

К НАЧАЛУ 30-х годов все человеческие страсти перегорели в душе Белого. Остался один пепел (самый знаменитый сборник стихов Белого назывался «Пепел»). Его уже не волновали женщины и любовные романы, но страсть к творчеству по-прежнему не иссякала. Белый писал, сочинял, творил безостановочно.

Огромный, причудливый роман «Москва» стал венцом великого фантазера, считает критик Лев Аннинский. Как и в «Петербурге», снова блистательная словесная игра. Но не только эквилибристика слов, но и предугадывание будущего — злодейства Ягоды и Ежова. «Жизнь — давит нас, оттого мы и давим друг друга...».

Зинаида Гиппиус пророчески писала в стихах, посвященных Андрею Белому, 5 января 1902 года, задолго до революционных потрясений:

Ты думаешь: Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь с тех пор уже не повторяла
Того, что быть могло — единый раз?..

Нет, Голгофа не миновала. После октября 1917 года она действовала с точностью часового механизма, распиная то одну социальную группу людей, то другую, то всех разом. Белого не казнили впрямую. Вроде внешне все складывалось благополучно. Из эмиграции вернулся — ни высылок, ни ссылок. Более того, дача под Москвой, каждое лето в Коктебеле. Писал, печатался. И все же.

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?..

Летом 1933 года в Коктебеле на даче Волошина Белый перенес солнечный удар. Зимой того же года вышли его воспоминания, им была предпослана вступительная статья, в которой неодобрительно говорилось и о русском символизме, и о роли в нем Андрея Белого. Он пытался доказать, что это не так. Волнения оказались роковыми: произошло кровоизлияние в мозг. 8 января 1934 года он скончался в возрасте 54 лет.

...Выступая с докладом по литературе и искусству в 1946 году, Андрей Жданов упомянул Белого в ряду «тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считала представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве».

Вот так. Мракобес и ренегат. Так что солнечный удар — это подарок судьбы. Могло быть в сто крат хуже.

В сентябре прошлого года в Коктебеле проходил международный коллоквиум «Андрей Белый и его время». Оно все дальше и дальше отдаляется от нас. Но книги остаются.

Творчество Белого — нам в удовольствие. Его жизнь — в назидание. А что касается всех его надрывов и кульбитов, то будем исходить из того, что он был прежде всего поэтом. И одним из самых безумных в литературном смысле этого слова. И как писал сам Андрей Белый в стихотворении «Друзьям» (1907):

Не смейтесь над мертвым поэтом;
снесите ему цветок...

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.